

Часть I

Il n'y a pas plus sourd que celui
qui ne veut pas entendre.

Превыше всех глух тот, кто
не желает слышать.

— французская пословица

Завтра

Лу

В небе сгущались тучи.

И пусть я не видела их сквозь густые кроны Ля-Форе-де-Ю, не чувствовала пронизывающего ветра, который уже нарастал вокруг нашего лагеря, но все равно знала — близится буря. Деревья покачивались в пасмурных сумерках, звери попрятались в норы. Несколько дней назад мы и сами забились в нору — своего рода лесной овраг, изрытый древесными корнями, которые торчали из земли, будто пальцы. Я ласково прозвала это местечко Ямой. Снаружи все занесло сугробами, но снежинки мгновенно таяли, касаясь защитных чар мадам Лабелль.

Я приладила печной камень над огнем поровнее и с надеждой потыкала бесформенный комок, который лежал сверху. *Хлебом* это, конечно,

назвать было сложно, потому что тесто для него я замесила на воде из одной только измельченной коры, но *снова* есть кедровые орехи и корни расторопши я не желала. Не желала, и все тут. Полезно порой бывает съесть *хоть что-нибудь* не настолько пресное — и речь не про дикий лук, который Коко нашла утром. После него у меня изо рта до сих пор несло как из драконьей пасти.

— Я это есть не буду, — сообщил Бо, глядя на сосновый хлеб так, будто тот мог в любой миг отрастить ноги и на него наброситься. Черные волосы принца, обычно уложенные безукоризненно, теперь торчали во все стороны, а смуглое лицо было перемазано в грязи. В Цезарине бархатный костюм Бо смотрелся бы роскошно, но сейчас и он, увы, весь покрылся пятнами.

Я усмехнулась.

— Как скажешь, голодай на здоровье.

— А это... — Ансель подошел поближе, украдкой морща нос.

Глаза у него блестели от голода, волосы растрепались на ветру — жизнь в лесной глуши обошлась с ним немногим ласковей, чем с Бо. И все же я знала, что Ансель со своей оливковой кожей, стройным телосложением, длинными ресницами и искренней улыбкой будет красив всегда. Иного просто не дано.

— Как думаешь, это...

— Съедобно? — встрял Бо, вскинув бровь. — Явно нет.

— Я не это хотел сказать! — Ансель вспыхнул и виновато посмотрел на меня. — Я имел в виду... вкусно. Как думаешь, это вкусно?

— Тоже нет. — Бо отвернулся и стал копаться в своей сумке. Спустя пару секунд, торжествуя, он выудил горсть луковиц и сунул одну в рот. — *Вот* чем я сегодня буду ужинать, спасибо.

Я уже открыла рот, чтобы съязвить в ответ, как вдруг рядом, обняв меня за плечи, возник Рид. Его рука была тяжелой, теплой, утешительной. Он поцеловал меня в висок.

— Я уверен, хлеб очень вкусный.

— Вот именно. — Я прижалась к нему, довольная похвалой. — *Получится* очень вкусный. И к тому же от нас не будет всю ночь разить дерь... то есть луком. — Я сладко улыбнулась Бо, который застыл, не донеся руку до рта, и хмуро поглядывал то на лук, то на меня. — А тебе еще завтра предстоит *вот этим* потеть весь день, если не дольше.

Хохотнув, Рид наклонился ниже, чтобы поцеловать меня в плечо, и его мерный, низкий голос коснулся моей кожи.

— Знаешь, здесь неподалеку есть ручей.

Поддавшись порыву, я изогнула шею, и Рид поцеловал меня выше, прямо у подбородка. От прикосновения его губ мое сердце забилось чаще. Бо с отвращением поморщился, увидев прилюдное проявление наших чувств, но я не обратила на него внимания. Рид был так близко, и я наслаждалась этим. С тех самых пор, как я очнулась после

Модранита, возможности по-настоящему остаться наедине мы так и не нашли.

— Пожалуй, стоит туда сходить, — проговорила я, прерывисто дыша. Рид, как всегда, отстранился слишком скоро. — Можно взять хлеб с собой и устроить там... пикник.

Мадам Лабелль резко обернулась к нам. Они с Коко сидели в другом углу лагеря среди корней древней ели и хмуро рассматривали клочок пергамента. Пальцы Коко были в пятнах крови и чернил. Она уже успела отправить Ля-Буазен в лагерь крови два послания с просьбой предоставить нам убежище, но ответа так и не получила. Я сомневалась, что еще одно письмо изменит это.

— Ни в коем случае, — сказала мадам Лабелль. — Вам запрещено покидать лагерь. Кроме того, надвигается буря.

«Запрещено». Само звучание этого слова меня рассердило. Мне с трех лет никто ничего не запрещал.

— Позвольте вам напомнить, — продолжала она надменным тоном, вздернув нос, — что лес все еще кишит охотниками, и пусть мы не видели ведьм, они тоже определенно где-то неподалеку. И это не говоря уже о королевских гвардейцах. О смерти Флорина уже наверняка разошлась молва... — Мы с Ридом окаменели в объятиях друг друга, услышав это. — **И** награды за ваши головы возросли еще больше. Теперь даже простые крестьяне знают ваши лица. Вам нельзя покидать

лагерь, пока мы не составим хоть сколько-нибудь достойный план наступления.

Я подметила, как мадам Лабелль подчеркнула слово «вам» и как выразительно посмотрела на нас с Ридом. Это *нам* нельзя было уходить из лагеря. Это *наши* лица висели на каждой стене по всему Сен-Луару — а теперь, быть может, и во всех других деревнях королевства. Во время вылазки в Сен-Луар за припасами Коко с Анселем сорвали пару объявлений — на одном из них было изображено красивое лицо Рида с волосами, окрашенными мареной в рыжий цвет, а на другом — мое.

Художник нарисовал мне на подбородке бородавку.

Вспомнив об этом, я нахмурилась и перевернула буханку соснового хлеба. С другой ее стороны обнаружилась почерневшая обгорелая корка. Мы все уставились на нее.

— Верно говоришь, Рид, вкуснее некуда. — Бо широко ухмыльнулся. У него за спиной Коко брызнула на письмо кровью из пореза на ладони. Капли зашипели и задымилась, касаясь пергамента и сжигая его дотла — переноса к Ля-Вуазен, где бы ни был сейчас ее лагерь Алых дам. Бо помахал у меня перед носом луковицами.

— Точно не хочешь?

Я выбила луковицы у него из руки.

— Отвяжись.

Крепче стиснув меня за плечи, Рид взял обгоревшую буханку с камня и с мастерской ловкостью отрезал от нее кусок.

— Ты не обязан это есть, — пробурчала я.

Он усмехнулся.

— Bon appétit.

Мы замороженно смотрели, как Рид кладет хлеб в рот... И тут же давится.

Бо оглушительно расхохотался.

Ансель похлопал Рида по спине, и тот проглотил кусок. Глаза у него слезились.

— Вкусно, — заверил он меня, кашляя и пытаясь жевать. — Правда. Напоминает...

— Уголь? — Бо согнулся пополам от смеха, увидев мое лицо.

Рид нахмурился. Все еще сотрясаясь от кашля, он тем не менее ухитрился пнуть Бо. Тот потерял равновесие и рухнул носом прямо в мох и лишайник, а на его бархатных штанах, прямо на пятой точке, остался отчетливый отпечаток сапога.

Бо выплюнул грязь, а Рид наконец проглотил хлеб.

— Ну и дурень же ты.

Взять еще кусок Рид не успел — я бросила буханку в огонь.

— Твое рыцарство принято к сведению, дражайший муж, и будет должным образом вознаграждено.

Рид притянул меня к себе, улыбаясь с теплотой и — как ему только не стыдно — с облегчением.

— Я бы все съел.

— Надо было тебе позволить.

— Ну и сидите теперь голодные, — заявил Бо.

Не обращая внимания на предательское урчание в животе, я выудила бутылку вина, которую припрятала в сумке Рида. Самой собраться в дорогу у меня возможности не было — Моргана ведь похитила меня прямо со ступеней собора Сан-Сесиль. К счастью, вчера я *по чистой случайности* забрела далеко от лагеря и позаимствовала на дороге у коробейницы парочку полезностей. Без вина, конечно же, никак. Равно как и без новой одежды. Коко и Рид поделились со мной своей, чтобы не пришлось и дальше носить окровавленное церемониальное платье, но на мне всё висело мешком — я и без того была худа, а после времени, проведенного в Шато, и вовсе стала походить на скелет. Пока что мне удавалось скрывать свои трофеи в сумке Рида и под плащом, одолженным у мадам Лабелль, но рано или поздно карты пришлось бы открыть.

Что ж, самое время.

Рид помрачнел, увидев вино. Его улыбка растаяла.

— Что это?

— Подарок, конечно. Ты разве не знаешь, какой сегодня день? — Твердо вознамерившись спасти этот вечер, я сунула бутылку в руки ничего не подозревавшему Анселю. Он стиснул горлышко, снова краснея. У меня потеплело на сердце. — *Воп anniversaire, mon petit chou!**

— У меня только в следующем месяце день рождения, — смущенно пробормотал Ансель, но

* С днем рождения, милый мой малыш! (фр.)

все равно прижал бутылку к груди. Блик от пламени костра блеснул на его лице, а с ним — и робкая радость. — Мне раньше никто никогда... — Он кашлянул и сглотнул. — Мне раньше никто никогда не дарил подарков.

Счастье у меня в груди слегка дрогнуло.

В детстве мои дни рождения отмечали как священные праздники. Ведьмы со всего королевства съезжались в Шато ле Блан восславить меня, и вместе мы до упаду танцевали под луной. Колдовство окутывало храм терпким ароматом, а мать осыпала меня роскошными подарками: в один год то была тиара с бриллиантами и жемчугами, в другой — букет из неувядающих орхидей-призраков. Однажды она развела воды Лё-Меланколик, чтобы я могла пройтись по морскому дну, а русалки-мелузины, приникнув к стенам воды, наблюдали за нами. Они разведали блестящими волосами и сверкали серебристыми плавниками, а лица их были прекрасны и зловещи.

Уже тогда я знала, что сестры на самом деле праздновали скорее мою грядущую смерть, нежели жизнь, но позднее — в минуты слабости — я сомневалась, что и моя мать всегда видела все так же.

— Мы с тобой рождены под несчастливой звездой, — тихо сказала она в мой пятый день рождения, поцеловав меня в лоб.

Я очень смутно помнила то время — лишь тени в моей спальне, холодный ночной воздух на коже, эвкалиптовое масло в волосах, — но, кажется, по ее щеке скатилась слеза.

Вспоминая об этом, я понимала, что Моргана вовсе не праздновала мои дни рождения.

Она оплакивала их.

— Полагаю, в таких случаях полагается говорить спасибо. — Коко подошла к нам и оглядела бутылку, перебросив черные кудри через плечо.

Ансель покраснел еще гуще. Коко с усмешкой провела пальцем по изгибу стекла, а затем обняла Ансея, прижавшись к нему всеми собственными своими изгибами.

— Какого года сбор?

Бо закатил глаза при виде столь очевидно картинного жеста и наклонился собрать луковицы. Коко краем глаза наблюдала за ним. Эти двое за несколько дней ни разу не поговорили по-человечески. Поначалу было забавно наблюдать, как Коко снова и снова жалит принца своими колкостями, но с недавних пор она и Ансея втянула в эту войну.

Скоро мне придется поговорить с ней об этом. Я посмотрела на Ансея, который до сих пор улыбался до ушей, глядя на вино.

Завтра. Поговорю с ней завтра.

Накрыв ладонь Ансея своей, Коко подняла бутылку, чтобы осмотреть осыпавшуюся этикетку. Огонь костра освещал мириады шрамов на ее темной коже.

— Voisâiné, — прочитала она медленно, с трудом разбирая буквы. Затем полкой плаща стерла с этикетки пятно. — Это значит «бузина». — Коко посмотрела на меня. — Если так называется место, то я о нем не слышала. Но с виду вино

очень старое, наверняка оно стоило целое состояние.

— На самом деле оно обошлось мне куда дешевле, чем ты думаешь.

Снова усмехаясь, прочитав подозрение на лице Рида, я подмигнула Коко и выхватила бутылку. Этикетку украшало изображение высокого летнего дуба, а рядом с ним стоял огромный человек с рогами, копытами и в терновом венце. Глаза у него светились желтым, а зрачки походили на кошачьи.

— Страшный какой, — заметил Ансель, наклонившись над моим плечом и взглянув на этикетку повнимательней.

— Это Водвос. — Меня вдруг накрыло волной ностальгии. — Дикий Человек, обитатель леса, повелитель всех растений и зверей. В детстве Моргана рассказывала мне истории о нем.

От одного звучания имени моей матери все вмиг переменялось. Бо резко перестал хмуриться, Ансель — краснеть, Коко — усмеяться. Рид огляделся вокруг, потянувшись за балисардой. Даже пламя костра задрожало, будто сама Моргана дохнула морозным ветром, желая его загасить.

Улыбка застыла на моем лице.

С самого Модранита от Морганы не было вестей. Дни шли, но мы так и не встретили ни единой ведьмы. Справедливости ради, мы вообще мало что видели за все это время, кроме клетки из корней, в которой нам приходилось скрывать-

ся. Впрочем, на самом деле против Ямы я особо ничего не имела. Более того, несмотря на недостаток личного пространства и самодержавное правление мадам Лабелль, я почти обрадовалась, когда Ля-Буазен не дала нам ответа. Мы получили отсрочку. Да и потом, здесь нам всего хватало. Колдовство мадам Лабелль грело нас и скрывало от чужих глаз, отводя беду, а Коко нашла неподалеку горный ручей. Течение не позволяло воде замерзнуть, и я верила, что в конце концов Анселю удастся поймать там рыбу.

Казалось, мы жили в своем собственном мире вне времени и пространства. Моргана и ее Белые дамы, Жан-Люк и его шассеры, даже король Огюст — все они просто перестали существовать. Никто не мог тронуть нас здесь. Все было... на удивление мирно.

Совсем как в затишье перед бурей.

Мадам Лабелль высказала мой тайный страх.

— Вы же понимаете, что вечно скрываться мы не сможем, — проговорила она устало и уже далеко не в первый раз, а затем подошла к нам и забрала вино.

Мы с Коко хмуро переглянулись. Честное слово, если я услышу еще *хоть одно* зловещее предостережение, то самолично утоплю мадам Лабелль в этой бутылке.

— Мать все равно тебя найдет. Сами мы не сумеем утаить тебя от нее. Однако если получится найти союзников, привлечь еще кого-нибудь к нашей цели, возможно...

— Молчание кровавых ведьм — это уже ответ, и очень красноречивый. — Я выхватила бутылку обратно и попыталась выдернуть пробку. — Они не станут помогать нам, рискуя вызвать гнев Морганы. И поди еще пойми, в чем вообще нам нужно помогать и что у нас за *цель* такая.

— Вздор. Даже если Жозефина не пожелает помочь, есть и другие могущественные игроки, которых мы могли бы...

— Мне нужно еще время, — громко перебила я, едва ее слушая, и указала на свое горло. Колдовство Рида залатало мою рану и спасло мне жизнь, но толстый рубец остался на месте и до сих пор чертовски болел. Но задержаться здесь мне хотелось не поэтому. — Вы и сами не до конца исцелились, Элен. Планы будем строить завтра.

— Завтра. — Она сощурилась, услышав мое пустое обещание. Я уже несколько дней это твердила. На сей раз, однако, мои слова прозвучали иначе. Правдивее. Даже я сама услышала это. Терпение мадам Лабелль было на исходе. Будто подтверждая мои слова, она сказала: — Завтра мы все обсудим, независимо от того, ответит Ля-Буазен на наш зов или нет. Все согласны?

Я воткнула нож в бутылку и резко его провернула. Все поморщились. Снова улыбаясь, я едва заметно кивнула.

— Кто желает выпить? — я щелкнула Рида пробкой по носу, а он раздраженно отмахнулся. — Ансель?

Тот широко распахнул глаза.

— Я не...

— Помилуй, у него еще молоко на губах не обсохло, какое уж там вино. — Бо выхватил бутылку у Ансея из-под носа и хлебнул от души. — Чтобы Анселью было привычней, тут не обойтись без соски. Или без соска, раз уж мы нынче в такой близости с природой.

Я закашлялась от смеха.

— Перестань, Бо...

— Да, пожалуй, ты права, откуда ему знать, с какой стороны к женской груди подступиться.

— Ты когда-нибудь прежде выпивал, Ансель? — спросила Коко с любопытством.

Потемнев лицом, Ансель выхватил вино у Бо и впился в горлышко. Но фыркать и плевать не стал, а только разинул рот пошире и чуть ли не полбутылки выпил залпом. Наконец он утер губы тыльной стороной ладони и сунул бутылку Коко. Щеки у него все еще розовели.

— Хорошо пошло.

Я даже не знала, что смешнее — изумленные лица Коко и Бо или самодовольная физиономия Ансея. Я радостно хлопнула в ладоши.

— Умница, Ансель! Ты, конечно, говорил, что любишь вино, но я и не подозревала, что ты можешь хлестать его как воду.

Он пожал плечами и отвел взгляд.

— Я много лет прожил в Сан-Сесиле. Хочешь не хочешь, а полюбишь в конце концов. — Ансель снова посмотрел на бутылку в руках Коко. — Но это вино куда вкусней, чем то, что было у нас в храме. Где ты его достала?